

IX

В КАРАБИХЕ И ВОКРУГ НЕЕ

Еще в конце 1861 года Некрасов осуществил свою мечту - приобрел имение, где летом мог отдыхать и работать. 7 декабря он писал отцу: "Я купил Карабиху... Заплатил я дорого, но не жалею, потому что покупаю не для дохода, а для собственного проживания летом".

Карабиха была куплена у родственников бывшего ярославского губернатора князя М. Н. Голицына) (заплачено 38,5 тысячи рублей серебром). Старинная барская усадьба, построенная еще в екатерининские времена, раскинулась на холме, неподалеку от Московско-Ярославского шоссе. До Ярославля - всего пятнадцать-шестнадцать верст. Все владение занимало пятьсот девять десятин земли, - сюда входили парк, лес, воды, покосы, фруктовый сад, мельницы и даже полузаброшенный винокурный завод. При доме была оранжерея, где росли померанцевые деревья.

В центре усадьбы - строгий архитектурный ансамбль: двухэтажный барский дом с изящным бельведером. Справа и слева - два больших каменных флигеля (все три здания соединялись деревянным крытым коридором). С бельведера и с веранды главного дома, обращенной к югу, открывался живописный вид на окрестности. Внизу бежала - и бежит доньяне - неширокая чистая речка Которосль, впадающая в Волгу вблизи Ярославля.

Чтобы попасть на речной берег, Некрасов, выйдя из дому, спускался по извилистым дорожкам, шел пологим холмом, по склону которого был разбит английский парк с искусно разбросанными группами деревьев, бархотно-зелеными лужайками, архитектурными сооружениями и журчащим ключом. Он проходил мимо могучего кедра, под густой кроной которого ему не раз случалось читать стихи жителям и гостям Карабихи.

Теперь этого кедра нет, он погиб от удара молнии, но многие другие деревья парка, среди которых гулял новый его владелец, сохранились до нашего времени. Возраст их, по определению специалистов, приближается к двум сотням лет.

Он полюбил свое уединение, полюбил и речку Которосль с ее песчаными берегами, поросшими травой и кустарником, быстрым течением и разнообразной рыбой. В одном из писем Некрасов писал: "Я здесь хорошо устроился - хожу на охоту, работаю и купаюсь. Купанье мне настолько приятно, что путешествие в Диепп для одной этой цели меня начинает устрашать" (25 июня 1870 года). Между 1862 и 1875 годами Некрасов провел в Карабихе десять летних и осенних сезонов (не приезжал только в 1873 и 1874 годах). С первых же месяцев он поручил управление усадьбой брату Федору, который оказался хорошим хозяином. А позднее, после 1867 года, он передал Карабиху Федору Алексеевичу в полную собственность, так как не хотел связывать себя хозяйственными заботами. Себе же он оставил лишь один восточный флигель. В нем и жил, когда приезжал из столицы.

Не вмешиваясь в дела по управлению усадьбой, Некрасов, однако, останавливал брата, когда тот проявлял суровость по отношению к окрестным крестьянам. "Ну, ну, брат Федор, ты уж не взыщи с них", - говорил Николай Алексеевич, стараясь смягчить его гнев {Цит. по кн.: Н. К. Некрасов, По следам некрасовских героев. М., 1970, стр. 91.}. Он всегда помогал крестьянам - и советом и деньгами, особенно если у кого пала лошадь, сгорел дом или случилась еще какая-нибудь беда.

Став владельцем Карабихи, Федор Алексеевич обратил особое внимание на оставшийся от Голицыных винокурный завод: он расширил его и усовершенствовал. Продукция завода приобрела известность за пределами Ярославля. Однако Николай Алексеевич к этой деятельности своего брата не имел отношения. Об этом необходимо напомнить, потому что в старой литературе встречаются намеки на якобы предпринимательские начинания Некрасова, противоречащие духу его поэзии. Враги поэта, не стеснявшиеся в выборе средств, не раз пытались и эти мнимые начинания отнести к числу его "грехов".

В Карабихе Некрасова привлекали возможность уединенного труда, природа и охота. Как прежде в Грешневе, к нему теперь постоянно собирались местные крестьяне-охотники, в том числе уже известный нам Гаврила Захаров, Никанор Бутылин из деревни Петлино, Кузьма Солнцев из окрестностей Грешнева, Николай Осорин из села Макарова. Вместе с ними Некрасов выезжал на охоту, пропадая иногда на несколько дней, иногда на неделю и даже на две.

Обычно охотники съезжались в дом Осорина в селе Макарове. В воспоминаниях писателя Ивана Федоровича Горбунова, гостившего одно лето в Карабихе, сохранился рассказ о том, как он охотился вместе с Некрасовым: "Покойный Николай Алексеевич был страстный охотник и отличный стрелок. На охоте он не знал усталости. Случалось так, что мы выходили на восходе солнца и возвращались домой около полуночи. Обыкновенно хмурый и задумчивый, на охоте он был неузнаваем: живой, веселый, разговорчивый, с мужиками ласковый и добродушный. Мужики его очень любили..."

... Охотились мы по обеим сторонам Волги и оставляли дом иногда дней на десять, переночевывая в разных селах и деревнях. Кроме весьма удобного, приспособленного к охоте тарантаса, с нами шла верховая арабская лошадь. Приезд наш в какую-либо деревню для ночлега для мужиков был праздник. В избе толпа. Кто разбирает вещи, кто любит ружьями, а кто, по бывшим примерам, ожидает угощения".

Превосходный актер-импровизатор, прославившийся исполнением своих устных рассказов, Горбунов, по словам современников, имел в запасе немало эпизодов и анекдотов об охоте с Некрасовым. Темы их были разнообразны - облава на медведей и лосей, происшествия на привалах и ночевках, словом, целая вереница сцен, шуток, разговоров...

После возвращения с охоты Некрасов обычно закрывался в своих комнатах на втором этаже и подолгу работал. В такие дни в доме наступала тишина, ее никто не должен был нарушать. Сестра Анна Алексеевна, часто приезжавшая на лето в Карабиху, строго следила за тем, чтобы никто не мешал работе Николая Алексеевича.

Нижний этаж флигеля занимали службы и комнаты прислуги. Во второй этаж вела широкая красивая лестница, против нее находилась небольшая уютная столовая. Направо от столовой были спальни и кабинет. Однако Некрасов, как вспоминает Наталья Павловна, вторая жена Федора Алексеевича (умерла в 1928 году), работал не в маленьком кабинете, а в зале; как и у себя на Литейном, он часами ходил из угла в угол, вслух произнося стихи однообразно-протяжным голосом; по временам подходил к конторке и записывал сложившиеся в уме строфы.

Зала "большая", почти квадратная комната, вся белая, с тяжелыми темными портьерами на окнах и на балконной двери. Посреди левой стены находился камин белого мрамора с зеркалом наверху. На камине стояли часы черного мрамора с бронзовой лежащей собакой сверху. Около часов были расставлены чучела птиц - охотничьи трофеи поэта. "Я помню бекаса, чирка, крякву и тетерева; громадный глухарь и дрохва стояли на особых постаментах. По сторонам камина стояли турецкие диваны, а у задней стены конторка, на которую клалась бумага и карандаш".

К этому описанию, сделанному Натальей Павловной, можно только прибавить, что комнаты, в которых жил и работал Некрасов, в наше время приобрели тот самый вид, какой они имели столетие назад. А вся Карабиха превращена в обширный мемориальный комплекс, своеобразный памятник поэту.

* * *

В первый раз Некрасов жил в Карабихе осенью 1862 года - с августа до начала октября. В это время он часто ездил в Ярославль, навещал больного отца. В столицу он вернулся, чтобы начать хлопоты по возобновлению журнала; но в разгаре этих хлопот, в конце ноября его вызвали обратно в Ярославль: пришло сообщение, что Алексей Сергеевич при смерти.

30 ноября отец умер. Похоронив его в семейном склепе в Абакумцеве (близ Грешнева), Некрасов возвратился в Петербург и занялся делами, связанными с изданием "Современника", Он снова пригласил к участию в журнале Елисеева и Антоновича; соредакторами его стали также Пыпин и Салтыков.

Здесь произошло событие, память о котором не сотрется в летописях русской журналистики. В начале февраля вышел из печати первый номер возобновленного "Современника" (за январь - февраль); на обложке его было объявлено, что со следующей книжки в журнале будет печататься роман Чернышевского "Что делать?".

Это было почти чудо. И теперь еще трудно понять, каким образом удалось редактору "Современника" среди рукописей Чернышевского, взятых жандармами во время обыска (об их возвращении в редакцию хлопотал Некрасов), получить и только что законченный в крепости роман. Объяснить это можно только тем, что следственная комиссия, в которую частями поступала рукопись Чернышевского, не придавала значения этой беллетристике и понадеялась на цензора, который по долгу службы должен читать все материалы, предназначенные для журнала. А цензор, зная, откуда пришел пакет, украшенный печатями, не усомнился в том, что рукопись уже разрешена и что ему тут делать нечего!

Так или иначе Некрасов ликовал, получив возможность объявить читателям возобновленного журнала о предстоящем печатании романа своего знаменитого сотрудника, сидящего в одиночной камере Алексеевского равелина. Он поехал за рукописью к Пыпину, получившему ее от обер-полицмейстера. Поехал сам, опасаясь доверить это кому бы то ни было. А на обратном пути, сидя в извозничьей пролетке, не заметил, как обронил драгоценную рукопись... 5 февраля 1863 года в газете "Ведомости С. -Петербургской городской полиции" появилось объявление:

"Потеря рукописи. В воскресенье 3 февраля, во втором часу дня, проездом по Большой Конюшенной от гостиницы Демута... до дома Краевского на углу Литейной и Бассейной, обронен сверток, в котором находились две прошнурованные по углам рукописи с заглавием: "Что делать?". Кто доставит этот сверток в означенный дом Краевского, к Некрасову, тот получит пятьдесят рублей серебром".

Несколько дней Некрасов не находил себе места. Он, по словам Панаевой, был так взволнован, что не мог обедать, сидел мрачно и молчал или начинал строить предположения о трагической судьбе рукописи. Наконец 8 февраля явился пожилой, бедно одетый чиновник и принес сверток, подобранный им на мостовой. В трех ближайших номерах "Современника" роман, которому суждено было стать настольной книгой нескольких поколений, был напечатан. Когда власти спохватились и начали искать виновных, было уже поздно.

В весенних книжках журнала Некрасов, кроме романа "Что делать?", поместил и еще немало произведений, которые подтверждали, что "Современник" не изменил своему направлению. В первом же номере (№1-2) читатели нашли переводы, выполненные сосланным Михайловым, в том числе сцену из трагедии Эсхила "Скованный Прометей", помещенную на видном месте (за подписью М. Илецкий). Самое название трагедии говорило о многом. Журнал блистал разнообразием имен и жанров. Бросается в глаза участие множества бывших петрашевцев. Кроме Салтыкова, напечатавшего здесь десятки очерков, рецензий и заметок, в журнале печатались стихи А. Н. Плещеева, переводы С. Ф. Дурова, рассказы Ф. Г. Толля.

Немало новых стихов поместил в первых номерах возобновленного журнала и сам Некрасов. Вслед за главой из поэмы "Рыцарь на час", о которой уже говорилось, шли стихи, написанные (или задуманные) минувшим летом в родных местах, на Ярославщине. Это прежде всего стихотворение "Идет-гудет Зеленый шум", светлый гимн в честь весны, во славу вечного обновления природы, где нашли отражение некоторые мотивы украинских народных песен (образ "зеленого шума").

Другие стихи, появившиеся в журнале, также подтверждали верность поэта темам крестьянской жизни. Это "Что думает старуха, когда ей не спится", это "В полном разгаре страда

деревенская" - стихи о тяжелой доле женщины-крестьянки. К этим же темам поэт вернулся во время следующей поездки в деревню.

В мае 1863 года, после того как все дела по изданию журнала были закончены, Некрасов отправился в Карабиху. В это лето здесь было оживленно и многолюдно. Кроме братьев, живших тут постоянно, за обеденным столом у Некрасова сходились и гости - Салтыков, Островский и Григорович. После шумного обеда гости обычно отправлялись в кабинет хозяина, там начинались споры и разговоры, читались стихи.

М. Ушакова вспоминает, каким был Некрасов в это время. Она запомнила его "резким брюнетом", роста выше среднего, с живыми блестящими глазами, с глухим хрипловатым голосом. "Одевался он всегда изящно и не относился небрежно к своему костюму. Утром вставал рано, часов в восемь, и тотчас же уходил гулять в сад. Вечно с ним провожателями были его две любимые собаки... Мы, бывало, с кузиной стоим у окна и тихонько наблюдаем за ним, как он ходит по аллее и курит свою сигару, а около вертятся его два любимца... Они, можно сказать, обедали вместе с хозяином..."

В это лето новые впечатления вылились в стихи, показавшие, как углубляется крестьянская тема в сознании поэта. "Калистрат" (помечен 5 июня), с его горькой усмешкой крестьянина по поводу своей безысходной нищеты; "Орина, мать солдатская", которую поэт знал лично: он заезжал к ней в деревню, чтобы от нее самой услышать рассказ о великом горе матери, потерявшей сына:

И погас он, словно свеченька
Восковая, предыконная...

После чего следовало печальное заключение самого автора:

Мало слов, а горя реченька,
Горя реченька бездонная!..

И наконец, главное сочинение этих лет - написанная в основном в Карабихе лирическая поэма "Мороз, Красный нос".

Этой поэмой открывался первый номер "Современника" 1864 года. А 18 февраля Некрасов прочел ее на одном из вечеров Литературного фонда. Присутствовавший на вечере писатель П. Д. Боборыкин рассказывает, что поэт обратился к публике и "... объявил спокойным тоном и как-то особенно напирая на каждое слово, что его новое произведение не имеет никакой тенденции, почему он и просит слушателей не подозревать в нем никакой задней мысли, другими словами, никакого служения направлению. Мне хотелось, - сказал Некрасов, - написать несколько картинок русской сельской жизни; я попытался изобразить судьбу нашей крестьянской женщины; я прошу внимания слушателей, ибо "если они не найдут в моей поэме того, что я задумал, они ничего в ней не найдут" ("Библиотека для чтения", 1864, №2, стр. 68).

Так говорил Некрасов. Но обращение его к судьбе крестьянской женщины было многозначительно. В условиях того времени неприкрашенное изображение деревенского быта непременно воспринималось как тенденция. А жизнь, изображенная поэтом, далека от идиллии. Тема поэмы - горе крестьянской семьи, потерявшей кормильца, и суровая участь крестьянки ("Три тяжкие доли имела судьба..."). Беды одна безысходнее другой преследуют крестьянина: и "вести недобрые о рекрутском наборе", и крайняя бедность; о ее причинах в поэме говорится устами старосты Сидора Иваныча: над могилой Прокла он хвалит его как исправного плательщика:

... Жил честно, а главное: в сроки -
Уж как тебя бог выручал -
Платил господину оброки
И подать царю представлял!

А в другом месте Дарья как бы поясняет слова старосты: "все отдаем", что удается ценой тяжкого труда сколотить "по грошику медному". Какая уж тут идиллия!

Некрасов задумал изобразить в поэме "Мороз, Красный нос" характер русской женщины, ее терпение и выносливость, ее доброту, любовь к труду, величие и поэтичность ее души, показать, что дух ее не сломлен, хотя нет ничего на свете тяжелее ее судьбы.

"Речь о крестьянке" зашла уже на первых страницах поэмы. Гордо и торжественно зазвучали предпосланные поэме слова о русских женщинах. Некрасов хотел, чтобы читающая публика увидела в крестьянке то же, что и он, и так же, как и он, прониклась к ней уважением и любовью:

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц.
Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
"Пройдет - словно солнце осветит!
Посмотрит - рублем подарит!"

Одна из таких женщин и является героиней его поэмы - Дарья. Сюжет поэмы - всего лишь частный случай, иллюстрация к только что сказанному: "И ты красотой дивила, была и ловка, и сильна, но горе тебя иссушило, уснувшего Прокла жена". Умирает кормилец семьи, и на плечи молодой вдовы ложится забота о детях и стариках родителях и весь непосильный для женщины крестьянский труд.

В первой части поэмы Дарья почти отсутствует, но все подготавливает ее появление, здесь показана та жизнь, с которой крестьянская женщина связана прочными нерасторжимыми узами: семья, труд, быт. Вне этого был бы непонятен подлинно народный характер Дарьи.

Во второй части поэмы в видениях замерзающей Дарьи раскрывается ее любящее сердце, преданность мужу, стойкость и мужество. Светлой поэзией проникнуты ее воспоминания, ею одухотворено все, что Дарью окружает. Радостным представляется Дарье труд, который она делила с мужем. Прокл для нее - прежде всего хозяин, работник. Картины уборки урожая, когда "Проклушка крупно шагает за возом снопов золотых", сменяются в ее видениях яркими картинками зимы. Предчувствия и приметы вселяют в душу Дарьи то страх, то надежду; явления природы полны для нее того особого значения, когда случайное становится знамением. Таким богатым, светлым и поэтическим душевный мир крестьянской женщины был показан в русской поэзии впервые. Это, между прочим, отмечено в монографии французского слависта Ш. Корбэ "Некрасов, человек и поэт" (1948). Поэму "Мороз, Красный нос" Корбэ считает подлинным произведением мирового искусства. По его мнению, поэма великолепно отражает национальные черты русской жизни: пейзажи, характеры, нравы, язык, и вместе с тем не теряет своего мирового общечеловеческого значения. Образ Дарьи представляется французскому исследователю лучшим женский! образом всей поэзии Некрасова. Это идеал женщины и матери, говорит он, но идеал, всем обязанный правде, а не выдумке.

Смело и органично входят в некрасовскую поэму народные обряды, обычаи и приметы. У Некрасова все это не местный колорит, не атрибуты крестьянского быта, а сама душа народа, полная простодушной поэзии, обогащенная извечным близким общением с природой. Поэтому и сказочный образ Мороза, введенный в реалистическую поэму, не нарушил ее целостности и гармоничности.

Но некрасовский Мороз, мощный властелин зимней природы, не совсем похож на добродушного героя народной сказки. Пожалуй, лишь внешний облик Мороза да ледяную булаву - символ царственной власти, да трехкратно обращенный к героине поэмы вопрос: "Тепло ли тебе, молодница?" - взял поэт из народной сказки. Мороз бесстрастен и по-царски величествен, но и он прежде всего хозяин, работник; масштабы его деятельности соответствуют грандиозности образа:

Метели, снега и туманы
Покорны морозу всегда,
Пойду на моря-окияны -
Построю дворцы изо льда.
Задумаю - реки большие
Надолго упрячу под гнет,
Построю мосты ледяные,
Каких не построит народ.

С первых же строк в поэме возникают приметы зимы, зимнего пейзажа. Снег, сугробы, сосульки, промерзлая земля, "звонящая, как железо", зимнее солнце - таков фон, на котором разворачивается действие: похороны Прокла и поездка Дарьи в лес:

Морозно. Равнины белеют под снегом,
Чернеется лес впереди,
Савраска плетется ни шагом, ни бегом,
Не встретишь души на пути.

Подлинно народна форма некрасовского стиха с его эмоционально насыщенными эпитетами, отрицательными сравнениями ("Не ветер бушует над бором, не с гор побежали ручьи"), с бытующими в народной поэзии словосочетаниями типа: сырая земля, горючие слезы, шелковые кудри, белые руки, ясные очи, горькие сироты.

В русской поэзии, наверное, нет другого произведения, где была бы так проникновенно раскрыта крестьянская жизнь и самая суть народной души. Поэзия, правда и тенденция, о которой упомянул Некрасов, выступая с чтением поэмы, слились здесь в одно совершенное и законченное целое. Ярко выраженный национальный характер поэмы "Мороз, Красный нос" приводит на память слова о Некрасове Г. И. Успенского: "Это русский человек весь как на ладони и к тому же громадный и именно русский поэт".